

КИБЕРНЕТИКА И СТИХИ

(РАЗДУМЬЕ НАД СТРОКАМИ)

I.

Почти каждый день в стране выходит книга стихов.

В издательских столах аккуратными стопами лежат папки со стихами.

Издавать или не издавать, печатать или не печатать?

И это только часть из всего, что рифмуется и скоропалительно называется поэзией: сколько стихов остается в тетрадках, на листках бумаги, в записных книжках! Пишется много. Но как разобраться, что является поэзией, а что просто стихотворством, хотя порой и умелым и профессиональным?

И вдруг — выход найден. Простой, остроумный, неожиданный — мобилизовать кибернетику. Ту самую, что совсем недавно послужила виновницей шумной дискуссии в «Литгазете» и уже сэкономила для ученых недели и месяцы на математических вычислениях, ставила диагнозы, переводила на иностранные языки тексты и даже писала стихи. Подумать только: проглатывает кибернетическая машина стихотворение и через несколько минут выносит суждение. Четкое и беспристрастное: небрежная рифма — красным карандашом подчеркнута неточность, не выдержан размер, — ага, сразу же фиксируется «провал», смысловая неясность — пожалуйста, ставится вопросительный знак...

Не знаю, забежал ли я вперед. Возможно, машина не принимала пока на свои плечи обязанностей литконсультанта. Но оценивать стихи — не самая сложная для нее задача. И все же... никогда ей не быть

литконсультантом. Можно достигнуть невероятного, фантастического совершенства в оценке технических качеств стихов, но понимание самой души поэзии останется полностью недостижимым. Понимать стихи — это то же, что слушать музыку, то же, что любоваться восходом солнца, наблюдать радугу на небе, не прятаться в июльский ливень под навес, радоваться первому снегу. И незачем доказывать, что к такому пониманию стихов машина безразлична. Оставим ее в покое — с ней дело обстоит просто. Куда сложнее, когда не понимают стихов люди, причем не просто не понимают, а храбро демонстрируют свое непонимание. В «Юности» и «Литгазете» приводились письма, в которых читатели находили аморальным стихотворение «Ночлег в пути» Р. Бернса (в переводе С. Маршака), упрекали в «нереволюционности» героев стихотворения Е. Винокурова «Балы». Как хотите, но я убежден, что такой человек, увидев на небе радугу, не останавливается посмотреть на нее, попав неожиданно в летнюю грозу, ворчит и ни на минуту не перестает жаловаться самому себе, что забыл дома плащ и зонтик, а, увидев в окно первый снег, прежде всего вспоминает: теплое пальто можно забрать из химчистки только через неделю. В чем-то эти люди тоже кибернетичны. Во всяком случае, в понимании стихов сходство налицо. Для этих людей не составляет труда расщепить стихотворение на части, беспрепятственно извлечь из него несложный вывод, толстым красным карандашом радостно подчеркнуть неточные рифмы. И... полностью не понять стихотворения.

Поскольку дело не в рифмах. Не в безусловно выдержанном размере. Суть совсем не в этом. Но в чем? Попробуем разобраться на примере трех разных стихотворений. Выбор их будет совершенно произвольным, по тому лишь принципу, что все стихотворения написаны авторами профессионально и разговор можно будет вести не о каких-то технических слабостях (перебиве ритма, неточности рифм и т. д.), а о более важном и существенном.

2.

В. Марьянский, «Ночь отставного солдата». Легко, живо, непринужденно написано стихотворение. Читается так свободно, что, кажется, одно слово невольно тянет за собой другое:

Человеку трудно,
Человек не спит.
О друзьях-товарищах
Человек грустит.

Попробуйте, скажите, что вам сегодня не спалось ночью, что грустили о товарищах, примерно вот так же. Обнаружившийся бесшабашно-веселый, небрежный тон, услышав который окружающие вас люди посмотрят с крайним удивлением: или человеку нравится страдать бессонницей, или друзья-товарищи у него такие, что разлука с ними приносит удовольствие? В вашем голосе услышат радость, удовлетворение, только не печаль и не горе.

О друзьях-товарищах,
В дальней стороне,
С честью, как положено,
Павших на войне.

Этак мимоходом, словно случайно пришлось к слову: «С честью, как положено, павших на войне». Словно речь идет о том, что товарищ, как положено, не опаздывает на работу или аккуратно посещает лекции в институте; как положено, честно берет билет в автобусе без кондуктора и переходит улицу только при зеленом свете.

В восьми строках автор высказал или, вернее, хотел высказать, что он грустит о

товарищах, героически погибших на войне, — известие, которое должно расположить читателей к раздумью. Но мы, желаем того или нет, попадаем в плен бойкой частушечной интонации, беспечной констатации фактов и невольно настраиваемся на веселый лад.

Между замыслом автора и выполнением замысла возникает наглядный разрыв, который становится чем дальше, тем сильнее. Уверения поэта, что «человек грустит», никак не соответствуют оборотительной легкости, непритязательности, с которыми герой вспоминает фронтовые годы. Этот налет бесшабашной легкости не ослабевает и в момент, когда герой мысленно переносится в дом, где растет сын погибшего товарища.

Возмужал, наверное,
Статный мальчуган,
Может, нынче умница,
Может, хулиган?..

Может, он принес из школы пятерку, а, может, и четверку. Пятерка, конечно, желательней, но и четверка тоже неплохо...

Если выбор колеблется в таких пределах, то особых уточнении можно и не давать. Но «может, нынче умница, может, хулиган?..» Здесь и вопросительный знак и многозначительные три точки не слишком спасают дело.

На каждом шагу встречаешься с поразительным несоответствием формы и содержания. Бойкая скороговорка безраздельно царит во всех воспоминаниях отставного солдата. В тоне прибаутки, с интонациями соседок, случайно встретившихся в очереди, повествуется о вещах больше, чем серьезных:

У сержанта Власова
Есть в селе жена.
Слышно, до сих пор она
Павшему верна.

Разлад между трагизмом, который автор вкладывает в стихотворение, и

бесшабашностью интонации приобретает комический эффект. Только комизм этот грустный. Человек, вспоминая друзей-товарищей, не грустит, как нас убеждает автор. Человек мимоходом, без малейшего внутреннего напряжения перескакивает от одного дома фронтовика к другому. Грустит читатель. Грустит потому, что невесело, когда компрометируются понятия, святые и дорогие для каждого. И странным выглядит упрек в пассивно-со-страдательной авторской позиции, который сделала поэту З.Поздняева («Ставропольская правда», 7 апреля 1963 г.). Упрекнуть Марьяинского в этом — значит признать действительный трагизм изображения. А ведь его-то и нет, есть только претензии на значительность и суровость переживаний, да бодрое балагурство, частушечная легкость.

Почему так случилось? «Виноват размер»? А попадись автору под руку не трех-, а, допустим, пятистопный анапест, и стихотворение приобрело бы величавость размышлений, глубину переживаний? Так?

Стихотворение и не могло получиться. Ни при трех-, четырех-, пятистопном размере, ни ямбом, ни хореем, ни дактилем. При полном безразличии, нечувственности к силе слова, при неумении искренне волноваться, удивляться, писать каждое стихотворение так, словно оно первое в твоей жизни, — настоящая поэзия невозможна. Одно из двух: или быть поэтом, или быть человеком, бесстрастно, холодно и квалифицированно пишущим стихи, — пусть гладкие и умелые, И как бы искусно ни был «подогрет» пафос, имитировано волнение, разыграно непосредственность - поэзия не выносит подделок, синтетичности. Иначе ей не быть поэзией.

3.

Еще одно стихотворение. Петр Горедкий, «Над Кубанью».
Сломался луч вечерний на кургане,
И над рекою дымка поплыла,
Кого-то в час тот к берегу Кубани
Гармошка песней звонкою звала.
Быть может, ту девчонку молодую,
Что по ночам так долго не уснет,

Быть может, ту девчонку заводскую,
Песнь о которой в городе живет.
А может, ту, чьи через плечи
Простлались косы, словно два ручья.
Поет гармонь, поет не первый вечер,
И песнь ее, как сердце, горяча.

Я представляю, как оцениваются такие стихи. После чтения слушатели пожимают плечами и говорят: ну что — обычное, «проходное» стихотворение. Иногда добавляют — серое. Вот и все. Четкая и исчерпывающая оценка. Самое печальное, что к ней ничего больше не прибавишь. Спорить с, так сказать, авторской концепцией? Спорить не с чем. Придаться к погрешностям в рифмах, ритме? И здесь все сравнительно благополучно. Словом, стихотворение полностью неуязвимо, забронировано со всех сторон. Впрочем, не так — в нем есть все-таки одна, довольно существенная брешь. Стихотворение полностью реминисцентно. И главное, совершенно не определить, откуда заимствованы эти взятые напрокат рифмы, сравнения, вообще полностью вся образная система стихотворения. Звонкая песня, горячая, как сердце, песнь (ох, как громко и торжественно «песнь!»), косы, словно два ручья, — эти штампы давно уже стали всеобщим достоянием и, чтобы отыскать их первых авторов, нужно шарить в сборниках столетней давности. А стихотворение оставляет странное впечатление — вроде бы и ни у кого не списано, а в то же время будто совсем недавно читал что-то подобное, очень и очень похожее. И опять вопрос — почему так?

...В «Риторике» 1748 года Ломоносов пишет об ассоциативности мышления, как об одном из сильнейших средств поэта. Формулируя правила, как «из одной простой идеи расплодятся могут многие», он прилагает ряд примеров. Так, идея «утро» рождает «вторичные идеи» — «заря, скрывающиеся звезды, восходящее солнце, пение птиц и прочая». А к примеру, от вторичной идеи «заря» возникают соответственные ассоциации: «багряный цвет, сходство с некоторую округлою дверью и прочая». Конечно,

советы Ломоносова, бывшие в то время откровением и открытием, сейчас привлекают любопытство скорее как своеобразный памятник старины. Но в чем-то они помогают найти истоки теперешних, самых последних штампов. Хорош, я думаю, был поэт, который заполнял бы стихотворение одними «третичными идеями» — «багряным цветом, «сходством с некоторую округлою дверью» и т. д. Согласно той же «Риторике», чем больше будет простора для ассоциативности, чем больше будет предлагаться «первичных идей» в их нераскрытом, потенциальном виде, «тем и в сочинении слова больше будет изобилия».

Какое же огромное, неисчерпаемое изобилие представляют такие вот образы: «сломався луч вечерний на кургане», «гармошка песней звонкою плыла», «простлались косы, словно два ручья»? Воображение ваше сразу же резко стопорит, словно натывается на какую-то преграду: образы даны во всей своей отработанности, во всем законченном виде, из них «выжато» все, что только можно выжать.

В результате — стихотворения не получилось. Получился набор многократно употреблявшихся образов-штампов. Весь смысл этого набора вполне укладывается в несколько строк газетной информации: над Кубанью гармошка зовет на свидание заводскую девчонку,

Просто, ясно и коротко. И места занимает меньше, чем стихотворение в двенадцать строк.

4.

«Радость» — лаконично называется стихотворение В. Бугаева. Оно не самое сильное из написанного молодым поэтом и привлекло мое внимание по причине довольно своеобразной. Стихотворение это о любви, а о ней, как известно, столько писано-переписано, что каждого, кто берется писать на эту «тему», подстерегает ощутимая опасность стать банальным и заслужить пренебрежительный отзыв «это уже было». Бугаев написал так, как «еще не было».

Не гадаю —
орел или решка.
— Хорошей! — говорю, — И живи!
Пусть и нет на планете орешка
Тверже этой проклятой любви.
Все равно я обрадован чем-то...

Сразу же приковывает к себе непринужденная разговорная интонация — признание поэта напоминает не столько стихи, сколько попросту беседу с другом или близким товарищем, так естественна разговорная основа стиха. И, подобно тому, как, услышав одну только «мелодию» разговорной речи, вы уже не можете не заинтересоваться и всем смыслом сказанного, так и доверительность интонации этого стихотворения располагает читателя к тесному контакту с автором. Прерви он рассказ на полуслове — вам станет досадно, у вас появится желание обязательно дослушать до конца.

Значит, все же любовь дорога,
Если так вот

внезапно и щедро

Заполняет сознание тайга,

Если так вот —

сквозь прежние грезы —

У больших енисейских мостов

Преградили дорогу березы,

Убегая с музейных холстов,

Если так растревожен я снова

Тем, что вижу,

и тем, что живу...

Без любви не бывает такого —

Изумрудного сна наяву.

Можно говорить много о свежести и обаятельности сравнений, о музыкальности звучания этих строк, но нас интересует сейчас другое. То, о чем рассказывает поэт, является личным и индивидуальным и, кажется, не способно претендовать на внимание множества людей. Но «аудитория» этого стихотворения широка. Это и есть один из важнейших признаков настоящей поэзии — как бы глубоко интимны ни были переживания автора, они обязательно должны быть в то же время и очень «общими». Иначе поэзия утрачивает одно из существенных

своих назначений — доносить до сердец миллионов людей глубину и силу переживаемых поэтом чувств. Но ни о какой «проникающей способности» в души людей не стоило бы говорить, если бы у автора стихотворения у самого не было глубокой душевной (да, пожалуй, и физической) «отдачи». Творчество — всегда самоотдача, и все волнение, вся радость и боль, гнев и ликование поэта находят отзвук в сердцах читателей. Отзвук, умноженный в десятки, сотни, тысячи раз. И вот тогда-то стихи и открывают для читателя тот особый мир, навстречу которому он незамедлительно распахивает душу, навстречу которому он тянется так же, как тянется к солнцу, весне, свежему воздуху.

Валерий ГЕЙДЕКО.